

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ

ВЪ С Т Н Ш К Ъ .

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 23.

14 ЮНЯ 1859.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ). | Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.; иногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Приимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ настоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ магазиннахъ музыкальныхъ: Ленгольда и братьевъ Шильдбахъ, и въ книжныхъ: Базунова, Щепкина и Свѣшниковъ.

Желающіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ 1 №-ра со всеми приложеніями. Редакція находится въ Офицерской, близъ Большаго Театра, въ домѣ Китнера, кв. № 23.

Къ № 23-му предлагается: Польша («Gracieuse»), соч. Карла Мейера.

Содержаніе: Заграничныя письма (А. Сѣрова). — Варшавская корреспонденція (Вампира). — Вѣсти отсюду. — Герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій.

ЗАГРАНИЧЬЯ ПИСЬМА.

I.

6 июня
25 мая 1859. Веймаръ.

Игра судьбы. — Напутственныя благословенія — Ничто хуже смерти. — Баста съ полевой надолго. — Германская музыкальная жизнь — Концертъ въ лейпцигскомъ театрѣ.

Въ прошломъ году, отправляясь въ Германію, я ѣхалъ на штетинскомъ пароходѣ вмѣстѣ съ г. Ростиславомъ. Черезъ нѣсколько времени спустя, я видѣлъ въ Баденъ-Баденѣ «Пчелку», гдѣ нашелъ нѣсколько строкъ и о себѣ, и — къ крайнему моему удивленію — не ругательныхъ! Г. Ростиславъ, изумившись что-ли, что, при всѣмъ извѣстной «свирѣности» моего права, и однако не выбросилъ его черезъ бортъ, высказалъ нѣсколько комплиментовъ своему всегдашнему противнику, съ которымъ на пароходѣ много бесѣдовалъ, какъ самъ пишетъ — «не безъ удовольствія». — Судьба-злодѣйка устроила такъ, что и нынче, 16^{1/2} мая, садясь опять на штетинскій пароходъ, опять встрѣчаюсь съ г. Ростиславомъ, т. е. если не съ нимъ лично, то со статьею его противъ меня, только-что вышедшей въ тотъ день! Самое для меня забавное въ этомъ забавномъ случаѣ то, что и въ нынѣшней, яростной, грозной діатрибѣ противъ Діафоріуса, именно идетъ рѣчь № 23.

жду прочимъ и о нашей встрѣчѣ на палубѣ парохода «Владиміръ», — и на этой самой палубѣ я читалъ забавныя эти строчки! — Мое отплытіе за границу въ нынѣшній годъ подошло какъ-разъ подь самыя жестокіе выстрѣлы раздраженнаго фельетониста и мнѣ пришлось оставить «Невскіе берега» подь градомъ самыхъ неистовыхъ ругательствъ «Пчелки». Если прибавить къ этому, что всѣ приверженцы барона Фитингофа и его оперы, Рубинштейна и его твореній (а такихъ въ Петербургѣ не мало), безъ сомнѣнія отъ всей души, заодно съ г. Ростиславомъ, готовы осыпать меня чуть не проклятіями, — согласитесь, что все это вмѣстѣ очень эффектное «напутствіе». Дѣло въ томъ только, что какъ всѣ эти господа ни горячней, а молчать я — ужь такъ и быть — не стану и, нисколько не обращая вниманія на могучій «унисонъ» Рубинштейнистовъ и Фитингофистовъ, попрежнему — ничѣмъ не стѣсняясь — буду высказывать свои мнѣнія и впечатлѣнія съ полной откровенностью.

Въ послѣдней статьѣ г. Ростислава, названной имъ «Окончательный разсчетъ съ самозванцами (хотя это и «не окончательный», и «не разсчетъ», и не съ самозванцами), ярый противникъ мой старается «охлѣять» рѣшительно всю мою дѣятельность по музыкальной части (экъ дохлѣвалъ его Діафоріусъ!). Тутъ достается уже не только статьямъ моимъ, но и лекціямъ, которыя г. Ростиславъ разобралъ, повторяя слова г. Арнольда и даже не выкинувъ въ смыслъ его цитаты и т. д. Тутъ встрѣчается между прочимъ любопытнѣйшая *лолика* такого рода: «Сѣровъ рѣшительно въ грошъ не ставитъ общественное мнѣніе (?), потому что осмѣливается читать съ кафедръ, въ залахъ университета, о музыкѣ, тогда какъ (слушайте!)... тогда какъ *двулики знатоками дѣла были изболочены* въ рѣшительномъ невѣжествѣ по части музыкальныхъ знаній.» — Но кто же эти грозные знатоки-обличители?

Во-первыхъ — г. Арнольдъ, который года два тому назадъ печатно указывалъ примѣръ *тройной фуги* (!) въ хорѣ трехъ

кантоновъ изъ Вильгельма Телля, а нынче, на моей 3-ей лекціи, написанный мною на доскѣ припѣръ изъ «Allegretto» седьмой симфоніи Бетховена принялъ за отрывокъ изъ похороннаго марша въ третьей симфоніи.

Во-вторыхъ—г. Ростиславъ, который не умѣетъ отличить даже *лирической* пѣсы отъ мажорной, величая трио Мендельсона, исполненное Рубинштейномъ на вечерахъ Лауба, — *en mi b majeur*, тогда какъ оно въ—*ut mineur* и разрѣшается блистательнымъ гимномъ въ *ut majeur*. Совсѣмъ иная тональность! Но г. Ростислава сбили съ толку—три бемоллика, общіе для Es-dur и для C-moll. Слѣдуя своему принципу слушать *глазами*, онъ заглянулъ въ партіи незнакомой для него музыки, примолвилъ, «если не ошибаюсь», да и — ошибся!

Г. Ростиславъ повидимому крайне обидѣлся моимъ выраженіемъ о «Нейтралитетѣ», что это, пожалуй, разговоръ въ царствѣ мертвыхъ, и пресерьезно увѣряетъ меня, что — на мое горе (!?)—онъ еще здравствуетъ. А я скажу въ отвѣтъ, что можно жить и все-таки не состоять въ числѣ живущихъ: «безмысліе» хуже физической смерти. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ Листъ въ письмѣ, которымъ пригласилъ меня на лейпцигскій музыкальный праздникъ: «Croyez-moi, — la plupart des gens (même de ceux dont on parle et qu'on lit) n'existent point. Pourquoi nous en occuperions nous? *) Это сказано по-случаю одной статьи моей, напечатанной въ Парижѣ (въ «France Musicale») противъ пѣскога Адольфа Ботта, осмѣливагося (въ Revue Musicale) критиковать гармонию (!) въ «Sanzona in modo lidico» Бетховенскаго A-moll-наго квартета. Листъ пожурилъ меня, что я трачу много пороха противъ такого ничтожнаго фельетониста; а еслибъ Листъ могъ знать, съ какими противниками я принужденъ воевать на своей родимой почвѣ, Листъ уже не журилъ бы меня, а—пожалѣлъ.

Находясь теперь далеко отъ театра постоянной моей войны (!) съ музыкантомъ-литераторомъ, до сихъ поръ не выучившимся понимать слово ритмъ и увѣряющимъ публику Съверной Пчелы, что я *его идеями* (!!) пользуюсь для своихъ лекцій, чувствую себя виѣ обязанности продолжать полемику. Я теперь на почвѣ истины, серьезной музыки, истинной, серьезной музыкальной критики, охваченъ музыкой со всѣхъ сторонъ, и если стану сколько-нибудь подробно отдавать вамъ отчетъ о всемъ, что мнѣ довелось слушать въ теченіе только пяти дней, то врядъ ли умѣщу все это въ рамкахъ даже весьма большой статьи. Я слушалъ: три концерта, двѣ мессы, двѣ оперы.—Итакъ къ дѣлу.

Прибывъ въ Штетинъ во вторникъ, 19/31 мая, и проведя полсутки въ Берлинѣ, я поспѣлъ въ Лейпцигъ на другой день, въ среду 20 мая (1 июня), къ самому открытію музыкальнаго праздника 25-лѣтняго юбилея лейпцигской музыкальной газеты (Neue Zeitschrift für Musik), основанной Робертомъ Шуманомъ въ 1834, а нынѣ издаваемой Францомъ Бренделемъ. Открытіе праздника совершилось блистательнымъ концертомъ въ лейпцигскомъ театрѣ (Stadttheater), куда я явился — прямо изъ вагона.

Вотъ программа концерта (устроенная, разумѣется, Листомъ, какъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и душою всего праздника):

1-я часть, подъ управленіемъ лейпцигскаго капельмейстера Риччіуса (Riccius):

1) Увертюра Мендельсона: «Meeresstille».

2) Прологъ, соч. Штерна (о новѣйшемъ направленіи музыки), декламированный г-жею Риттеръ (родная сестра пѣвицы Иоганны Вагнеръ).

3) Дуэтъ (H-moll) для скрипки и фортепiano, соч. Франца Шуберта, исполненный первымъ концертмейстеромъ въ Лейпцигѣ, знаменитымъ скрипачемъ, Фердинандомъ Давидомъ, и первымъ изъ учениковъ Листа, Гансомъ фонъ-Бюлоу.

4) Арія для сопрано изъ оперы Берліоза «Бенвенутъ Челлини», исполненная (конечно, съ оркестромъ) примадонною веймарскою, г-жею Мильде.

5) Увертюра Шумана къ «Манфреду» Байрона.

2-я часть, подъ управленіемъ веймарскаго капельмейстера, Франца Листа:

1) Прелюдія (Vorspiel) къ новой (еще неоконченной) оперѣ Вагнера: «Тристанъ и Изольда».

2) Двѣ баллады Фридриха Геббеля («Der Haidenknabe», — «Schön Hedwig») въ видѣ мелодрамъ для декламации, съ музыкою Шумана для ф. п. Декламовала г-жа Риттеръ; аккомпанировалъ ученикъ Листа, Гансъ ф. Бронсаръ.

3) Дуэтъ для сопрано и баритона изъ оперы Вагнера «Голландецъ», — исполненный (съ оркестромъ) веймарскими пѣвцами, г. и г-жею Мильде.

4) Ноктюрнъ Шопена и венгерская рандоля (№ 2) Листа;—исполнитель: Бюлоу.

5) Двѣ пѣсни (Lieder) Роберта Франца («Willkommen mein Wald», — «Gewitternacht»), исполненные г-мъ Мильде съ аккомпаниментомъ ф. п. (Бронсаръ).

6) Симфоническая фантазія (Symphonische Dichtung) Листа: Tasso, для оркестра.

Программа во всякомъ случаѣ—чрезвычайно интересная, умно составленная; если прибавите, что исполненіе каждой пѣсы было—совершенство, то можете имѣть хорошую общую идею объ этомъ концертѣ. Даже знакомая и перезнакомая увертюра Мендельсона имѣла для меня прелесть новизны отъ мастерскаго исполненія оркестра, — одного изъ лучшихъ въ свѣтѣ (оркестръ лейпцигскаго «Gewandhaus'a» — высколенный самимъ Мендельсономъ!) и игравшаго «сop-atog», на-славу!

Лучшею пѣсней всей первой части концерта была превосходная увертюра Шумана къ «Манфреду». Быть можетъ, въ этой музыкѣ не вполне передана задача байроновскаго текста: — сторона *адскаго* вліянія на душу героя, характеръ «Астарте»—и рыцарственность самого Манфреда не отражаются въ этой музыкѣ, но музыка сама-по-себѣ прелесть олеона глубокаго напоса, глубокаго, мучительнаго волненія души и чрезвычайной красоты въ соединеніи съ возвышеннымъ благородствомъ стили. Оркестровка этой увертюры, по счастливому исключенію, колоритна и необыкновенно занимательна, тогда какъ въ другихъ твореніяхъ Шумана оркестровка страдаетъ одноцвѣтностью. Эта увертюра — вообще твореніе образцовое, гениальное, и при удивительномъ исполненіи лейпцигскимъ оркестромъ произвела впечатлѣніе могучее, электризирующее...

Дуэтъ Франца Шуберта — пѣса весьма виртуозная; исполнителямъ было гдѣ отличиться.

Тоже — то-есть достоинство виртуозное—было главнымъ качествомъ 4-го № программы, аріи изъ оперы Берліоза. Вообще же для тѣхъ, кто незнакомъ съ этою оперою, съ ея

*) - Новѣрѣте мнѣ, большинство людей (даже изъ тѣхъ, о которыхъ говорить, или которыхъ читаютъ)—вообще не существуетъ. Стоитъ ли ими заниматься?»

гениальными красотами, — эта ария Терезы, хотя бы, какъ въ пылѣшій разъ, отлично исполненная, не можетъ дать настоящаго понятія объ оперномъ стилѣ Берліоза и о драматическомъ достоинствѣ его великолѣпной партитурѣ. Среди другихъ нумеровъ оперы (которую я изучилъ въ партитурѣ еще въ прошломъ году) эта ария чуть ли не слабѣе всего и попала въ программу (какъ мнѣ объяснилъ Листъ въ послѣдствіи) по особымъ обстоятельствамъ. Въ подробностяхъ оркестра и тутъ однако было много прелестнаго; — иначе у Берліоза и быть не можетъ. Исполнительница была нѣскольکو жепирована тѣмъ, что пѣла арію въ ея оригинальномъ видѣ, т. е. съ текстомъ *французскимъ*. Для Нѣмки — французскій выговоръ въ пѣніи — трудность почти непреодолимая. Голосъ г-жи Мильде необыкновенно пріятный и богатый сопрано, весьма-хорошо обработанный.

Піесы *второй* части концерта надо прослѣдить по-порядку: каждая въ своемъ родѣ была образцовая.

«Прелюдія» къ новой оперѣ Вагнера (которая будетъ дана въ первый разъ, въ концѣ этого года, въ Карлсруэ) музыка элегическая; — длинное адажіо, которое ни на секунду не выходитъ изъ сферы грустнаго, томительно печальнаго настроенія. Такъ требовала задача драмы. Стилъ — строгополифоническій; — оркестровка, разумѣется, дивная. Но — на первый разъ, особенно для незнакомыхъ съ сюжетомъ и — какъ отдѣльная піеса въ концертѣ — эта гениальная прелюдія *не можетъ* имѣть того поразительнаго дѣйствія, какое *будетъ* имѣть для слушателей *въ театрѣ*, какъ приготовленіе къ драмѣ музыкальной, и *не* въ первые раза. Тутъ есть *глубокость* и сосредоточенная меланхолія стила Себастіана Баха. Въ этой піесѣ я *впервые* увидѣлъ Листа, въ пылѣшій мой пріездъ въ Германію, и *впервые вообще*, во главѣ большаго оркестра, съ капельмейстерскимъ жезломъ, который въ его рукахъ — жезлъ *волшебный*. Одного изъ великихъ, первѣйшихъ въ свѣтѣ капельмейстеровъ я узналъ въ прошломъ году въ Баденѣ, другаго узналъ *теперь*. (*Третій*, — Вагнеръ, уже десять лѣтъ томится невозможностью дирижировать своими созданіями!)

Декламация съ акомпаниментомъ фортепіано (замѣняющимъ оркестръ) составляетъ область музыкальную, если не совсѣмъ новую (мелодрамы были въ большомъ ходу еще раньше Моцарта), то воскрешенную изъ забвенія Шуманомъ, и область, въ своемъ родѣ, весьма богатую. Музыка слѣдитъ за драматизмомъ разсказа, дополняетъ, *дорисовываетъ*, чего нельзя передать смысломъ словъ и оттѣнками декламации; декламация, въ свою очередь, идетъ свободно, не стѣпяясь ритмомъ музыкальнымъ и интонацію (что для *нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ* можетъ быть *выгодно* пѣніе. Все дѣло въ *выборѣ* разсказа, который бы вызывалъ именно *такую* обработку). Баллады знаменитаго драматика и эпика Геббеля съ музыкою Шумана, особенно страшный разсказъ: «*der Haidenknappe*», производитъ впечатлѣніе необыкновенно-сильное и глубоко-поэтическое (Въ произведеніяхъ *русскихъ* поэтовъ я могъ бы указать многія, которые такъ и просятся подъ «мелодраму» въ такомъ Шумановскомъ смыслѣ, и съ ф. п., или съ оркестромъ, *ad libitum*). Г-жа Риттеръ, отличная актриса, декламировала превосходно. Столь же превосходно была исполнена и фортепіанная партія чрезвычайно даровитымъ ученикомъ Листа, піанистомъ и еще болѣе композиторомъ, Бронсаромъ, который былъ и у насъ въ Петербургѣ, весною прошлаго года.

Дуэтъ «Зенты и Голландца» изъ оперы Вагнера «Корабль-

призракъ» (*Der fliegende Holländer*) глубиною и красотой драматически-музыкальной мысли, прелестью мелодіи и оркестра можетъ привести въ горькую досаду тѣхъ, кто любитъ гениальную Вагнерову музыку, какъ ея любить слѣдуетъ, и не слышалъ еще *первой* изъ трехъ его великихъ музыкальныхъ драмъ. Баритонъ Мильде и его супруга образовались, какъ пѣвцы и актеры, подъ благотворнымъ влияніемъ Листа и первые воплотили *вполнѣ* поэтическія созданія современнаго намъ музыкальнаго Шекспира.

Фортепіанное соло въ наше время, казалось бы, должно играть довольно жалкую роль среди программы, гдѣ красуются оркестровыя и вокально-оркестровыя піесы достоинства первостепеннаго. Но нѣтъ правила безъ исключенія. Разумѣется, еслибъ самъ Листъ съѣлъ за фортепіано, среди какого-угодно концерта, великая индивидуальность *проступила бы* сквозь неблагодарныя средства «одноцвѣтнаго звука» ф. п., взяла бы *свое* и вышла бы явленіемъ поразительнымъ, несмотря ни на какое опасное соудѣство оркестровыхъ и вокальныхъ силъ. Листъ въ публикѣ *не играетъ*, но *замѣнилъ* себя учениками, изъ которыхъ первое мѣсто по всѣмъ правамъ принадлежитъ Гаусу ф. *Бюлоу*. Умъ, тонкость оттѣнковъ, всѣ техническія совершенства дѣлають изъ этого чуднаго виртуоза рѣшительно второй томъ Франца Листа. Мнѣ случилось слушать нѣсколько разъ венгерскую рапсодію № 2, исполненную самимъ авторомъ, и я могу засвидѣтельствовать, что почти не нахожу разницы въ исполненіи этой же рапсодіи Гаусомъ ф. Бюлоу! Исполненіе со всѣхъ сторонъ изумительное! Листъ не даромъ говоритъ про *этого* ученика своего: *ça n'est pas mon élève, c'est ma gloire!*»

Робертъ Францъ пользуется въ Германіи чрезвычайною знаменитостію, какъ авторъ піесенъ (*Lieder*) въ духѣ *Франца Шуберта* и *Роберта Шумана*. — Двѣ піесни, исполненныя г. Мильде, принадлежатъ дѣйствительно къ лучшимъ лирическимъ произведеніямъ этого простодушно музыкальнаго рода, котораго богатства неисчерпаемы, какъ самая душа человѣческая.

Наконецъ надо повести рѣчь и о заключительной піесѣ, о *вѣнцѣ* всего концерта. Скажу вамъ, что я зналъ «*Tasso*» Листа (*Lamento e trionfo*) въ аранжировкѣ для двухъ фортепіанъ еще въ Петербургѣ, слышалъ прошлымъ лѣтомъ въ Веймарѣ эту аранжировку, исполненную авторомъ и однимъ изъ учениковъ, изучилъ эту фантазію и въ партитурѣ, любовался чудесною ея оркестровкой, но признаюсь не особенно симпатизировалъ этому произведенію. Многое мнѣ казалось ненатуральнымъ, многое довольно плоскимъ со стороны мелодическаго изобрѣтенія. Въ оркестрѣ, подъ управленіемъ автора, эта самая музыка привела меня *въ восторгъ*. Теперь только я понялъ, что объ этихъ симфоническихъ фантазіяхъ никто *не смѣетъ* и заикнуться, если не слышалъ ихъ *такъ какъ онѣ задуманы*, то-есть въ полномъ оркестрѣ (точно то же и съ музыкою Вагнера, и съ музыкою Берліоза: на ф. п. вы не получите о нихъ и *сottoй* доли настоящаго понятія). Что за колоритъ! Что за великолѣпная краса мысли и ея оркестроваго осуществленія! Тутъ бездна чудныхъ оттѣнковъ, красокъ, которыхъ мнѣ рѣшительно не случалось встрѣчать *нигдѣ*, ни даже въ Берліозѣ и Вагнерѣ. Это все вполнѣ ново и изумительно красиво. Я знаю теперь *одну* изъ этихъ симфоническихъ поэмъ, осталось узпать на мое счастье тринадцатъ! Подробно разбирать эту фантазію не стану. Ей надо бы посвятить отдѣльную статью, да и то, безъ потныхъ примѣровъ, нельзя пояснить почти ничего (пусть г. Ростиславъ

продолжает увѣрять свою публику, что я не разбираю музыки подробно, потому что не умѣю начинать своихъ разборовъ *фа-дизами* и *ре-бекарами*). Скажу только, что еслибы кто вздумалъ остановить порывы моихъ восторговъ по-случаю Листовой музыки, напримѣръ, такимъ вопросомъ: Листъ пишетъ фантазіи для оркестра совершенства *неслышаннаго*, значить, по-вашему, Листъ симфонистъ лучше и выше Бетховена?—я отвѣчалъ бы такъ: нашъ Ивановъ, конечно, не затмѣваетъ ни Рафаэля, ни Тиціана, ни Рубенса, тѣмъ не менѣе люди знающіе толкъ—въ полномъ правѣ сказать про картину Иванова, что это въ *своёмъ* родѣ чудо искусства и чудо *небылаго*: «Обители многи суть.» Къ этому предмету, вызывающему на размышленіе, намъ придется возвратиться еще не разъ и не два. Продолженіе отчета о праздникѣ до другаго письма.

А. СВРОВЪ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ВАРШАВЫ.

Эпизодъ изъ жизни молодой піанистки. — Концерты Герца. — Варшавскія сцены. — Воспоминанію польскаго крестьянина. — Средство избавляться отъ дирижировъ музыки. — Разговоръ въ родѣ «Нейтралитета» г. Сѣрова. — Разныя извѣстія.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ извѣстнаго любителя музыки полковника Л... Молодая, вновь прибывшая въ Варшаву артистка сидитъ за фортепіано и разыгрываетъ поктюрисъ Герца. Вдругъ входитъ полковникъ и дѣлаетъ ей слѣдующее предложеніе: — «Не угодно ли вамъ будетъ преподавать уроки фортепіанной игры на весьма выгодныхъ условіяхъ. Однѣ изъ моихъ знакомыхъ, человѣкъ уже пожилой и дилетантъ, играющій кое-какъ на фортепіано, умоляетъ меня принять на себя ходатайство по этому дѣлу. Онъ ничего больше не желаетъ, какъ только выучиться хорошо разыгрывать нѣкоторыя сочиненія Герца, гостившаго нынѣ въ Варшавѣ, и слышавъ вашу игру незамѣтнымъ образомъ изъ сосѣдней комнаты, онъ проситъ васъ помочь ему въ достиженіи его цѣли. Онъ здѣсь, ради Бога не отговаривайтесь, а то онъ очень обидится и пожалуй расплачется.»

— Извольте, сказала съ улыбкой пѣвица, я рада услужить вамъ.

Лицо, о которомъ говорено, входитъ въ комнату, раскланивается очень вѣжливо и повторяетъ свою просьбу, при чемъ артистка наша замѣтила, что будущій ея ученикъ все не такъ старъ, какъ полагала.

— Извольте садиться, — мы можемъ сейчасъ же начать урокъ, попробуйте поктюрисъ Герца.

Незнакомый началъ разбирать ноты, но послѣ нѣсколькихъ тактовъ рѣшительно растерялся, несмотря на постоянныя замѣчанія его наставницы.

— Я вамъ откровенно скажу, милостивый государь, промовила до крайности раздраженная артистка, что у васъ нѣтъ ни капли таланта, вы не способны даже къ музыкальнымъ упражненіямъ, совѣтую вамъ бросить музыку и заняться чѣмъ-нибудь другимъ. Руки ваши даже нейдутъ вовсе къ фортепіано, прибавила молодая дѣвица.

Полковникъ громко расхохотался, — піанистка взглянула на него съ удивленіемъ.

— Прощайте, сказалъ смущенный дилетантъ, благодарю васъ, что вы меня отвлекли отъ бесполезныхъ занятій, но сдѣлайте мнѣ одию еще и послѣднее одолженіе, сыграйте этотъ поктюрисъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ. И молодая артистка

исполнила желаемую піесу съ истиннымъ одушевленіемъ, чувствомъ и ловкостью.

— Прекрасно, превосходно. Хотя я не знатокъ музыки, но я чувствую ее всемъ сердцемъ, сказалъ растроганный меломанъ, пожимая руку молодой піанистки. — Позвольте узнать вашу фамилію.

— Я Анна Эрбесъ...

— Ученица Дрейшока, прибавилъ полковникъ, не имѣя силы удержаться отъ смѣха.

— Теперь за вами очередь сказать ваше имя, замѣтила г-жа Эрбесъ.

Генрихъ Герцъ, отвѣтилъ нашъ мнимый дилетантъ и, поклонившись изумленной піанисткѣ, ушелъ изъ комнаты.

Разказавъ вамъ современный анекдотъ, который въ скоромъ времени обѣжалъ всѣ варшавскія гостиныя, я долгомъ считаю сообщить вамъ о двухъ концертахъ Герца.

Первый, данный имъ въ Редутовыхъ залахъ 10/22 мая, начался увертюрою изъ Дюпъ-Жуана и пѣніемъ г-на *Вѣрнзеръ* (*Wörniser*), баритона изъ Вѣны. Но Герцъ несчастливъ въ лицахъ, участвующихъ въ его концертахъ. Въ Петербургѣ онъ избралъ пѣвицу, правда что очень миленькую собою, но за-то вовсе не умѣющую пѣть. Въ Варшавѣ опять попался ему пѣвецъ, и не хорошъ собою и весьма плохой исполнитель. Это обстоятельство испортило немощко эффектъ перваго концерта Герца. Однакожъ публика, вспоминая, что передъ нею стоитъ Герцъ, встрѣтила его аплодисментами при первомъ появленіи его на эстрадѣ. Герцъ исполнилъ интій концертъ своего сочиненія, въ трехъ отдѣленіяхъ, съ аккомпаниментомъ оркестра; «*Sympathie*»; новую свою фантазію, извѣстную уже вамъ, «*La fille du regiment*», и три маленькія піесы: «*Nocturne inedite*», «*Tarantelle*» и «*la Californienne*». Объ игрѣ Герца говорить не стану, вы ее оцѣнили уже; скажу только, что въ концертѣ, по случаю чрезмѣрной жары, публики было немного, но посѣтители принадлежали болѣею частію къ избраннѣйшему кругу нашего города. Игра Герца отъ начала до конца возбудила единодушный восторгъ. Герцъ объявилъ второй концертъ, по тутъ театральная дирекція предложила ему свои услуги и концертъ назначенъ былъ въ Большомъ Театрѣ, 16/28 мая, съ участіемъ пѣвицы и пѣвцовъ оперы и хоровъ и съ прибавленіемъ одноактной оперетки Оффенбаха «*Свадьба при фонаряхъ*» (*Le Mariage aux lanternes*) и дивертисемента изъ танцевъ.

Спектакль начался въ 8 часовъ вечера «*Польскимъ*» Шопена, аранжированнымъ для оркестра дирижеромъ здѣшней оперы Кватриши, и опереткой, о которой мы упоминали выше.

Произведеніе это—извѣстнаго содержателя театра Bouffes Parisiens, Оффенбаха, имѣетъ постоянный успѣхъ въ Варшавѣ и заслуживаетъ его вполне. Всѣ нумера написаны со вкусомъ. Эффектъ разсчитанъ превосходно и потому неминуемъ. Мотивы оригинальны и полны жизни, веселости и изящества. Сюжетъ заключается въ томъ, что дядя молодой поселянки Гертруды, уѣзжая изъ деревни за границу, оставляетъ ее на попеченіе крестьянину этой же деревни Стефану. Опекуиъ, человѣкъ молодой, влюбляется въ свою pupille, и она отъ этого не прочь. Дядя человѣкъ богатый и потому опекуиъ обращается къ нему письменно съ просьбою одолжить ему денегъ. Между тѣмъ Гертруда пишетъ тоже къ дядѣ, но не объ деньгахъ, а объясняется въ любви своей къ Стефану. Для оживленія дѣйствія авторъ либретто вводитъ на сцену двухъ соперницъ Гертруды—Катерину и Маргариту, молодыхъ крестьянокъ, которымъ Стефанъ тоже пра-

вится, о чем онъ, по причинѣ бѣдности его, не говорить ему, стараясь вообще не обращать на него вниманія. Между тѣмъ приходитъ отвѣтъ дяди на письма Стефана и Гертруды. Въ первомъ онъ пишетъ влюбленному опекуну, что вмѣсто денегъ посылаетъ ему ключъ къ тайнѣ: подъ однимъ деревомъ, которое онъ указываетъ, долженъ находиться кладъ. Дядя уговариваетъ Стефана идти отыскивать этотъ кладъ въ 12 часовъ ночи съ послѣднимъ ударомъ колокола, а Гертрудѣ приказываетъ отправиться въ 12 часовъ подъ то же дерево и присѣсть тамъ на скамейку, увѣряя ее, что тутъ она найдетъ своего жениха... Гертруда скрываетъ свое письмо и намѣрена исполнить желаніе дяди. Между тѣмъ Стефанъ громко читаетъ посланіе дяди въ присутствіи Маргариты и Катерины, которая тутъ неожиданно узнаютъ, что Стефанъ разбогатѣлъ. Положеніе ихъ понятно: онъ ревнивы и между ними начинается ссора, — одна другой не уступаетъ и онъ обѣ хотятъ придти въ 12 часовъ ночи съ фонарями къ дереву, гдѣ Стефанъ долженъ отыскивать кладъ. Стефанъ вмѣсто клада, котораго не нашелъ, узнаетъ изъ письма Гертруды, что она-то и есть его сокровище. Затѣмъ слѣдуетъ свадьба, являются гости съ фонарями и заглавіе пьесы оправдано. Квартетъ, въ которомъ Стефанъ предлагаетъ тостъ въ честь трудолюбія, чрезвычайно эффектен; нельзя требовать больше жизни и вдохновенія, какъ въ этомъ квартетѣ, мастерски составленномъ. Ссора двухъ соперницъ Гертруды образовала презабавный дуэтъ, который слушается съ наслажденіемъ.

Тутъ въ особенности отличается г-жа Грушинская, prima-donna, о которой мы упоминали уже неоднократно и которая съ большимъ искусствомъ исполнила свою трудную роль. Мы смѣло предсказываемъ блистательную будущность этой молодой пѣвицѣ, и теперь уже занимающей первоклассное амбуа. Герцъ сыгралъ большой концертъ съ хорами, исполненный имъ въ Петербургѣ, повторилъ фантазію «La fille du regiment», послѣ чего началъ импровизировать на тему этой фантазіи и кончилъ мотивомъ изъ «Гальки» Моцарта. Этотъ переходъ произвелъ сильное впечатлѣніе на слушателей и вызвалъ громкія рукоплесканія. Въ дивертиссементѣ, составленномъ изъ пѣній и танцевъ, молодая, недавно поступившая на сцену ученица Кватрини, Довяковская, произвела фуроръ въ аріи изъ Сонамбулы. Танцовщица Фрейтагъ удостоилась тоже въ тотъ вечеръ блистательнаго приѣма. Театръ былъ полонъ. Герцъ получилъ половину чистаго сбора и ушелъ со сцены очарованный вниманіемъ варшавской публики. Въ этотъ вечеръ, Герцъ, вмѣсто того чтобы принять ужинъ въ Европейской гостиницѣ, предложенный поклонниками его таланта, проводилъ домой сестру извѣстной любительницы-піанистки, г-жи Брауманъ.

На другой день рѣшительно весь городъ объявилъ Герца женихомъ. У насъ сватаютъ скоро... и если Герцъ не поторопился уѣхать въ Парижъ, то его дня черезъ три непременно провозгласили бы женатымъ на Полькѣ. У насъ опасно быть «cavaliero servante».

На-дняхъ вашъ покорнѣйшій слуга собрался въ имѣніе одной очень близкой сердцу его особы. Гуляя туда-сюда, онъ попалъ въ деревеньку, расположенную по сосѣдству. Вечеръ былъ прекрасный. Я задумался и не замѣтилъ, какъ остановился передъ однимъ домикомъ, который отъ старости глубоко врылся въ землю. Но не одинъ только домикъ обратилъ мое вниманіе, тутъ стоялъ посѣдѣвшій старикъ въ обыкно-

венномъ крестьянскомъ платьѣ; глаза его устремлены были въ небо .. смотрѣли такъ задумчиво, такъ уныло.., что сердце мое сжалось по-неволѣ... Вдали пѣлъ соловей.

— О чемъ вы такъ задумались, спросилъ я старика... Немогу ли я помочь вамъ въ чемъ-нибудь... или вы слушаете пѣніе соловья?

— Помочь вы мнѣ не можете, ибо Богъ, вѣроятно, не далъ вамъ силы творить чудеса... что касается соловья, есть пѣсни лучше его пѣсенъ, созданныя человекомъ, и человекомъ, котораго я зналъ... Это сынъ бывшей хозяйки этого домика, Какой чудесный былъ ребенокъ! и лелѣлъ его на своихъ рукахъ, а послѣ плакалъ при воспоминаніи о его смерти.

— Кто онъ такой?—спросилъ я съ любопытствомъ.

— Фридерикъ Шопенъ!

— Такъ вы играете его сочиненія?—спросилъ я.

— Нѣтъ, я не играю, но я носилъ Шопена на рукахъ, когда онъ былъ ребенкомъ, плакалъ, услышавъ потомъ о его громкой славѣ, плясалъ въ тактъ его мазурокъ и обертасовъ, играемыхъ въ корчмѣ странствующими музыкантами, и выучилъ ихъ всѣ пѣть наизусть; мелодія ихъ священная .. родимая...

— Какъ названіе этой деревни, спросилъ я, любуясь благородными чертами лица говорящаго?

— «Железовая воля» (Zelazova vola).

Нѣсколько дней тому назадъ въ «Швейцарской долигѣ» (садъ для гулянья) случилось уморительно-трагическое происшествіе. Дирижеръ оркестра, Эмануэль Бахъ, не хотѣлъ повторить одной слишкомъ утомительной пьесы; разъяренная публика, большею частью Нѣмцы, начала свистать и надѣлала въ концѣ столько шуму, что нѣкоторые гуляющіе въ саду думали, что случился пожаръ. Вслѣдствіе того Бахъ, обиженный до крайности, уѣхалъ на другой день. Оркестръ короткое время оставался безъ управителя и только теперь мѣсто Баха занялъ Гарфъ, но съ тѣхъ поръ я не былъ еще въ «Долигѣ», поэтому ничего не могу сказать вамъ о новомъ дирижерѣ.

Слушая однажды оркестръ Эдуарда Брауна, я былъ свидѣтелемъ презанимательнаго разговора, который и передаю вамъ буквально.

1-й господинъ. — Въ скоромъ времени будутъ давать оперу Минхеймера «Lusznik». Вы слышали что-нибудь объ этомъ произведеніи?

2-й господинъ. — Оно написано съ глубокимъ знаніемъ музыки, мотивы свѣжи, инструментовка прекрасная, многія мѣста очень эффектны.

1-й господинъ. — Смотрите, а *Молюшко*, дирижеръ Польской Оперы, далъ о ней самое дурное мнѣніе, сказавъ, что она гроша не стоитъ, — сюжетъ даже не народный, многія мѣста напоминаютъ что-то слышанное уже, что это просто подражаніе Мейербееру.

2-й господинъ. Позвольте узнать, съ кѣмъ раздѣлил Молюшко мнѣніе свое объ этой оперѣ.

1-й господинъ. Со мною. Я съ нимъ лично знакомъ и даже въ довольно тѣсной дружбѣ. Онъ и не церемонился со мною, сказалъ, что ему пришло на умъ.

2-й господинъ. Вы ждете, милостивый государь. Я вамъ не открывалъ своего мнѣнія объ этой оперѣ. Я васъ совсѣмъ не знаю... и не хочу знать и жалѣю, что затѣялъ съ вами разговоръ о музыкѣ.

1-й господинъ. Да кто вы такой, какъ вы смѣете опровергать мои слова?

2-й господинъ. Я самъ Моношко и слѣдовательно имѣю право заступиться за себя...

Объ остальномъ судите сами...

Проектъ учрежденія консерваторіи понемногу разстроивается. Понадобилось 45,000 р. сер. для разныхъ издержекъ; казна не намѣрена ассигновать этой суммы. Апполинарій Контскаго до сихъ поръ еще здѣсь нѣтъ; вѣроятно прощальный концертъ въ Петербургѣ не былъ послѣднимъ. Зданіе, назначенное для этой цѣли, обращено опять въ казенную администрацію.

Журналы и продажа фортепіанъ клонятся къ упадку. Обанкротилось изъ числа 4 частныхъ журналистовъ 2, изъ числа фортепіаныхъ мастеровъ большая половина, но первымъ пришли въ помощь аферисты. Ежедневную газету (*Codzienne Gazeta*) купилъ администраторъ здѣшнихъ табачныхъ доходовъ, Леопольдъ Кроненбергъ; о второй, *Хроникъ*, продолжаютъ еще торжить.

Въ непродолжительномъ времени поставягь новую оперу «Вѣнки (*Wianki*)», либретто Гвоздецаго, музыка Мартина.

ВАМПИРЪ.

Г. Варшава, 27 мая (8 іюня) 1859 года.

ВѢСТИ ОТВСЮДУ.

Вѣсти изъ Риги. — Уплата парижскихъ театровъ. — *Фаворитка*. — Анекдотъ о Доницетти — Розати. — Свадьба въ Комической Оперѣ. — Свадьба г-жи Плессе. — Тодеско и Вестивали. — *Мертвыя души* въ Парижѣ. — Грппи въ Лондонѣ. — Фокусы Цоганни. — Манускрипты Вебера. — Памятникъ Шеффару. — Новая опера Росселинъ.

Мы уже писали въ прошедшемъ номерѣ о пародіи на оперу Вагнера: *Tannhäuser*, данную въ бенефисъ рижскаго комика Эйхенвальда. Пародія эта, составленная очень искусно и замысловато, снабженная всевозможными *вицами*, на которые такъ щедры Нѣмцы, имѣла большой успѣхъ, благодаря прекрасной игрѣ актеровъ и игривой музыкѣ Карла Биндера. Эйхенвальдъ, въ роли самаго *Tannhäuser'a*, насмѣшилъ публику до упаду; г-жа Шубертъ, въ роли *огорченной* Елизаветы, также удачно пародировала героиню Вагнеровою оперы. Шумный хохотъ не умолкалъ во все представленіе.

Послѣднее театральное представленіе нынѣшняго сезона окончилось прощальнымъ бенефисомъ г-жи Гессе, въ которомъ приняли участіе Формезъ и фрейлейнъ Ланнеръ. Спектакль состоялъ изъ нѣсколькихъ нумеровъ пѣнія, танцевъ и перваго акта Шиллеровой *Орлеанской дѣвы*. Берлинскій теноръ Формезъ, гостящій въ Ригѣ, пропѣлъ нѣсколько *lieder*; объ успѣхахъ этого пѣвца было въ свое время писано въ нашемъ Вѣстникѣ. Бенефициантка г-жа Гессе звучнымъ голосомъ продекламировала роль Юанны. Хорошенькая танцовщица Ланнеръ также получила на свою долю не мало рукоплесканій и букетовъ; Рижская публика въ восторгѣ отъ ея пластически-прекрасныхъ позъ, легкости, граціи и проч.

Говорять, что Левассеръ снова собирается въ Ригу. Заговоривъ о Левассерѣ, невольно вспоминаешь о Парижѣ, кипящемъ новостями, пріѣзжими и рѣдкостями всякаго рода. Нельзя надивиться, какъ неутомимо посѣщаются парижскіе театры и какъ хорошо идутъ ихъ сборы. Всѣ парижскіе театры уплатили въ прошломъ году процентныхъ денегъ (*Tantième*) 1,025,937 франковъ. Значительнѣйшія суммы причитались: съ Комической Оперы 127,252 фр.; — съ театра *Porte-Saint-Martin* 98,637 фр.; — съ *Variétés* 57,450 фр.; — *Gymnase Dramatique* 76,059 фр.; — *Palais Royal* 68,496 фр.; — съ Лирическаго 66,097 фр.; Итальянская Опера, между тѣмъ, уплатила 276 франковъ.

Въ Большой Оперѣ, послѣ *Послѣдняго дня Геркуланума*, не малое число зрителей привлекла недавно наша старая знакомая, *Фаворитка* Доницетти. Этотъ вечеръ былъ замѣчательнень по двумъ причинамъ. Во-первыхъ это было *двадцатипятидесять-девятое* представленіе «*Фаворитки*», во-вторыхъ главную роль Леоноры въ первый разъ занимала новая пѣвица, г-жа Чиллагъ, родомъ изъ Песта, ангажированная на мѣсто г-жи Борги-Мамо, переходящей въ Итальянскую Оперу въ Парижѣ. Новая пѣвица особенно отличилась въ четвертомъ актѣ, признанномъ знатоками однимъ изъ лучшихъ произведеній Доницетти. По поводу этого акта мы прочли слѣдующій анекдотъ въ одной газетѣ.

Разъ композиторъ обѣдалъ у одного своего пріятели, женатаго человѣка. Послѣ обѣда Доницетти усѣлся у камина съ чашкой кофе и съ наслажденіемъ прихлебывалъ ароматный напитокъ, который страстно любилъ. Говорили о разныхъ предметахъ; такъ прошло два часа. Наконецъ, послѣ долгаго молчанія, хозяинъ сказалъ гостю:

— Надѣюсь, ты не разсердишься на меня, любезный Гаэтано, если я тебя оставлю одного; мы званы на вечеръ и дали слово быть непремѣнно.

— Сдѣлай одолженіе, поѣзжай безъ церемоніи, отвѣчалъ маэстро, только позволь мнѣ остаться у тебя на часъ. Мнѣ пришла охота поработать у камина. Сегодня какъ нарочно я получилъ либретто четвертаго акта «*Фаворитки*», оно у меня въ карманѣ.

— И прекрасно, отвѣчалъ хозяинъ, дѣлай что хочешь: фортепіано, нотная бумага, перья и чернила тутъ. Прощай же, любезный другъ, мы воротимся поздно и, конечно, не застапемъ тебя здѣсь.

Было около десяти часовъ вечера. Доницетти принялся за работу, и когда пріятели его возвратился домой, въ часъ ночи, композиторъ встрѣтилъ его словами:

— Извини саго тію, я кажется у тебя засидѣлся. Время прошло очень скоро, но я не потерялъ его напрасно и кончилъ мой четвертый актъ.

Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ арии: «*Ange si pur*», взятой изъ другой его оперы «*le Duc d'Alba*», и анданте дуэта, которое было добавлено на ренетиціяхъ, цѣлое дѣйствіе было написано въ три часа. Нечего удивляться, что *Любовный напитокъ* написанъ въ одну недѣлю. Когда кто-то выразилъ удивленію Доницетти о такой невѣроятной быстротѣ работы, замѣтивъ, что самъ Россини употребилъ *два недѣли* на сочиненіе *Севильскаго цирюльника*, маэстро простодушно отвѣчалъ:

— Чему же тутъ удивляться! Россини извѣстный лѣнтяй.

Посятся слухи, что къ намъ собирается Розати, не уступающая въ хореграфическомъ искусствѣ Феррарисъ и славящаяся пластической красотой. Тедеско возвратилась въ Парижъ изъ Лиссабона, гдѣ создала роль Леди Макбетъ въ оперѣ Верди. Вообще она имѣла въ этомъ городѣ самый блестятельный успѣхъ. На сценѣ Большой Оперы готовится дебютъ пѣвицы Вестивали, имѣвшей большой успѣхъ въ Мексикѣ. Эта пѣвица обладаетъ звучнымъ контральтомъ.

Два талантливые артиста Комической Оперы: пѣвецъ Форъ и прелестная *m-lle* Лефевръ сочетались на-дняхъ законнымъ бракомъ; на сценѣ имъ приходилось не разъ соединяться брачными узами. Со стороны Фора свидѣтелями были: Мейербееръ и докторъ Бошпеленъ, со стороны невѣсты г. Мокаръ, директоръ кабинета императора, и Несторъ Рокепланъ, директоръ Комической Оперы.

Заговоривъ о свадьбахъ, упомянемъ еще объ одномъ бракѣ,

который еще не совершился, но состоится на-днях. Наша старая знакомка, г-жа Плесси, выходит замуж за одного известного парижского живописца, но остается на сценѣ; другая же артистка Французской Комедии, Дельфина Фикс, выходит замуж за миллионера, похищающего ее со сцены.

У парижского книгопродавца Гашета вышел переводъ *Мертвыхъ душъ* Гоголя, съ двумя изслѣдованіями объ авторѣ и Россіи и примѣчаніями г. Шарьера.

Мери, привилегированный поэтъ Тюльри, намѣренъ издавать ежеежедневными томами поэму, воспѣвающую подвиги императора Наполеона и французской арміи въ Италіи.

Оканчивая парижскія новости, упомянемъ о возобновленной драмѣ Александра Дюма и А. Маке «*les Mousquetaires*». Благородный Атось, пылкій д'Артаньянъ, гигантъ Портось, сладенькій Арамисъ снова явились передъ зрителями съ свирѣбыми Мордаунтомъ и кровожаднымъ Кромвелемъ. Драма эта сдѣлалась популярной на бульварѣ и имѣла такой же успѣхъ, какъ и романъ. Мысль увидѣть мушкетеровъ на сценѣ *en chair* и *en os* привлекла многочисленную публику въ день перваго представленія; успѣхъ пьесы былъ огромный. Корабль «Сына ночи» никогда не производилъ такого эффекта, какъ корабль «Мушкетеровъ», когда въ третьемъ актѣ трупъ Мордаунта, сброшенный съ палубы, доплываетъ до будки суфлера. Известный Меленгъ снова явился въ роли д'Артаньяна, а m-lle Пажъ была прелестнѣйшая Генриетта (*Henriette de France*).

Старикъ Дюпре устроилъ представленіе на театрѣ *Gymnase Dramatique* въ пользу одного изъ своихъ учениковъ, вступающаго по жребію въ военную службу. Въ этомъ спектаклѣ приняли участіе артисты Большой Оперы, Французской Комедии, Комической Оперы, Лирическаго Театра и Гимназіи, въ томъ числѣ г-жи Миолапъ-Карвалло, Огюстина Броганъ и г. Брессанъ.

На одномъ музыкальномъ вечерѣ баронессы де Романъ восхитила всѣхъ молодая пѣвица, недавно прибывшая изъ Рио-Жанейро, m-lle Лажюа. Она уже не въ первый разъ поетъ въ Парижѣ и родомъ изъ Сициліи. «M-lle Лажюа, говоритъ одна парижская газета, высокая, стройная брюнетка съ чудесными черными глазами, изящная и граціозная, только проѣздомъ посѣтила насъ и отправляется въ Петербургъ, куда ангажирована на весьма выгодныхъ условіяхъ». Вотъ еще пѣвица, которую намъ навязываютъ иностранныя газеты, но за достовѣрность подобныхъ извѣстій трудно ручаться. Опера Мейерберса, «*le Pardon de Ploërmel*», будетъ дана осенью въ Берлинѣ. Партія баритона, написанная для французскаго пѣвца Фора, будетъ переписана для тенора.

Первое появленіе Гризи, въ нынѣшнемъ лѣтнемъ сезонѣ въ Лондонѣ, было въ роли Валентины въ «Гугенотахъ», на Ковентгарденскомъ Театрѣ. Лондонская газета «*Musical World*» не можетъ нахвалиться игрой и пѣніемъ Гризи, вѣроятно изъ учтивости, — *bonneur aux dames!* Маріо попрежнему поетъ Раули, наша знакомая Марай занимаетъ роль принцессы. Утрата Бозио замѣтно ощутительна; несмотря на множество примадоннъ на обоихъ театрахъ, ни одна не можетъ увлечь, очаровать холодныхъ Британцевъ, какъ бывало прежде, когда на сценѣ блистала незабвенная Бозио.

Скрипачъ Юхимъ попрежнему пожинаетъ лавры въ Лондонѣ. Недавно, въ одномъ концертѣ, онъ исполнилъ одну изъ труднѣйшихъ пьесъ Паганини, въ которой одинъ пассажъ должно было сыграть на двухъ струнахъ; это мѣсто возбудило общее удивленіе. Упомянувъ имя Паганини, мы вспомнили одинъ анекдотъ о первыхъ скрипичныхъ фокусахъ знаменитаго виртуоза. Вотъ какъ рассказываетъ о нихъ самъ Паганини:

«Я управлялъ оркестромъ въ Луккѣ, когда царствующая фамилія присутствовала въ оперѣ (въ 1805 г.); меня также

часто приглашали ко двору, для устройства концертовъ. Принцесса Элиза (сестра Наполеона) передъ окончаніемъ концерта всегда уходила изъ залы, говоря, что гармоническіе звуки моей скрипки растроивали ея нервы. Одна очень милая дама, которую я довольно долго любилъ, не открывая ей моей страсти, напротивъ принимала большое участіе въ этихъ концертахъ, вѣроятно по тайному сочувствію ко мнѣ. Незамѣтно мы объяснились другъ съ другомъ, но важныя причины требовали глубокой тайны и осторожности; препятствія еще сильнѣе скрѣпили нашу любовь. Однажды общалъ я этой дамѣ, для сѣдующаго концерта, музыкальную *galanterie* и объявилъ при дворѣ, что сыграю новую пьесу, подъ названіемъ «*Scène amoureuse*». Любопытство было сильно возбуждено, но удивленію слушателей не было конца, когда я вышелъ на эстраду со скрипкой, на которой были только двѣ струны. Я оставилъ только струну—*g* и *квинту*. Первая должна была изображать чувства молодой дѣвушки, вторая—страстное объясненіе ея возлюбленнаго. Я составилъ родъ разгара, гдѣ нѣжный шепотъ любви смѣнялся бурными порывами ревности, слышался то радость, то отчаяніе, то крики гнѣва и страданій, то упоеніе взаимной любви. Затѣмъ слѣдовало соединеніе влюбленныхъ и они, воспламененные любовью, исполнили *pas de deux*, которое я заключилъ блестящей кодой. Новость имѣла успѣхъ. Умалчиваю о чудномъ взглядѣ, который послала мнѣ дама моего сердца. Принцесса Элиза обратилась ко мнѣ съ похвалами и спросила: «Вы достигли невозможнаго, вѣроятно вамъ ничего не значить сыграть и на одной струнѣ?» Я общалъ сдѣлать эту новую попытку и спусти нѣсколько недѣль написалъ военную сонату «Наполеонъ», которую и исполнилъ при многочисленномъ собраніи. Успѣхъ превзошелъ мои ожиданія и съ тѣхъ поръ я особенно полюбилъ струну—*g*.» — А вотъ свѣдѣнія о другомъ не менѣе знаменитомъ композиторѣ.

Изъ оставленныхъ манускриптовъ Карла Вебера появилось второе изданіе, увеличенное и исправленное, составленное его сыномъ. Прежнее изданіе вышло скоро послѣ смерти композитора въ 1828 г. въ трехъ томахъ. Въ 1-мъ и 3-мъ томахъ этого стараго изданія можно найти подробности о жизни Вебера, разные отрывки изъ его писемъ и проч. Второе исправленное изданіе будетъ пополнено біографіей Вебера, составленной его сыномъ по письмамъ и дневнику покойнаго композитора.

Городъ Роттердамъ назначилъ тысячу франковъ для сооруженія памятника въ Дортрехтѣ знаменитому живописцу Шефферу. Недавно умеръ въ Спа превосходный кларнетистъ Іосифъ-Эрнстъ Прюмъ, родной братъ известнаго скрипача того же имени, имѣвшаго большой успѣхъ у насъ въ Петербургѣ. Покойному не было еще 29 лѣтъ; онъ умеръ послѣ тяжелой, но непродолжительной болѣзни.

Иностранныя газеты увѣряютъ, что Россіи хранитъ у себя въ портфель новую оперу подъ названіемъ «Юанна д'Аркъ», за которую одинъ парижскій музыкальный издатель общалъ маэстро превыгодный гонорарій, а именно: по одному франку за каждую ноту.

ГЕРЦОГЪ ЭРНСТЪ САКСЕНЪ-КОБУРГЪ-ГОТСКІЙ.

(Статья Коссака).

Прошло почти сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ герцоги тюрингскіе открыли литературнымъ поборникамъ свободный доступъ къ дворамъ своимъ. Нѣмецкіе классики давно уже оставили міръ сей, но гостепримство благодушныхъ принцевъ не исчезло вмѣстѣ съ ними. Въ послѣднее десятилѣтіе открылся даже новый храмъ, гдѣ юный покровитель возникъ на радость всѣхъ художниковъ. Если вы съ экстремнымъ поѣздомъ желѣзной дороги миновали Веймаръ и потомъ бла

гополучно проскользнули между желѣзныхъ когтей прусской крѣпости Эрфурта, то вы достигаете Готы, миловидной столицы, которую какъ-будто сторожить старый, мрачный замокъ Фриденштейнъ, памятникъ Вестфальскаго мира. Гота — зимнее мѣстопробываніе владѣтельнаго герцога Эрнста саксен-гобургъ-готскаго. Цѣлый рядъ изящныхъ виллъ соединяетъ станцію желѣзной дороги съ городомъ; видъ этотъ навѣваетъ какое-то успокоительно-гостеприимное чувство на каждого новопрїѣзжаго.

Мы имѣли счастье быть приглашенными на нѣсколько дней въ Готу отъ имени владѣтельнаго герцога и вышли изъ вагона съ упоительно-сладостнымъ ощущеніемъ, оставляя далеко за собою бремя и заботы строгой регулярности. Всякій пойметъ, какъ легко и отраднo на душѣ и на сердцѣ журналиста, сознающаго избавленіе свое отъ срочной, ежедневной работы. Намъ встрѣтилъ мощный черный слуга въ ливреѣ, съ оскаленными бѣлыми зубами, захватилъ всѣ наши дорожныя вещи и положилъ ихъ на козлы герцогскаго экипажа. Этотъ мощный силачъ — былъ Филиппъ, послѣдній изъ Могикановъ и послѣдній, единственный экземпляръ своего поэтическаго рода въ Готѣ, опредѣленный оказывать намъ во все время пребыванія нашего тамъ всѣ услуги, которыхъ мы требуемъ отъ нашихъ братьевъ по человечеству, въ силу того, что система добрака Жанъ-Жака все еще не сдѣлалась всенародною на земномъ шарѣ.

Черезъ пять минутъ очутились мы противъ герцогскаго дворца, въ которомъ намъ назначили помѣщеніе подлѣ комнаты англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, мист. Барнера. Едва успѣли мы уничтожить слѣды осмичасоваго посѣщеннаго путешествія, какъ удостоились чести быть принятыми въ домашній кругъ рыцаря-принца и насладиться его одушевленною бесѣдою. Съ этой минуты до самаго часа отъѣзда нашего герцогъ не переставалъ безпрерывно осыпая гостей своихъ самыми любезными ласками и дни эти превратились для насъ въ незабвенныя воспоминанія. Читатели съ жадностью ищутъ очерковъ изъ жизни ученыхъ и художниковъ, подробностей придворной жизни; — мы полагаемъ, что еще занимательнѣе могутъ быть легкіе контуры существованія знаменитаго человѣка, соединяющаго въ себѣ качества и дарованія ученаго, художника и государя.

Герцогъ Эрнстъ не сильнѣйшій изъ владѣтелей земель и народовъ, но въ чемъ отказала ему судьба, то вознаградила въ высшей мѣрѣ природа и развила для него во всѣхъ отношеніяхъ благоприятное положеніе владѣтельнаго герцога. Онъ одаренъ необыкновенно-проницательнымъ взглядомъ на всѣ проявленія жизни, усиленнымъ еще болѣе посредствомъ основательнаго изученія наукъ и постоянныхъ занятій по всѣмъ отраслямъ просвѣщенія. Свѣтлый политическій взглядъ герцога извѣстенъ и доставилъ ему уже довольное число враговъ между отсталыми людьми, представляющими себѣ государя не иначе, какъ хранителемъ древневѣковыхъ преданій и постановленій. Необыкновенно живой умъ, воспримчивый ко всему доброму и полезному, охраняетъ его впрочемъ отъ жалкаго, сухаго педантизма, равно опаснаго и въ либерализмѣ и въ реактивной системѣ. Какъ великій знатокъ жизни, герцогъ понимаетъ, что все *необыкновенное и тревожащее* въ человечествѣ и въ природѣ не собрано въ одномъ мѣстѣ, а должно быть *отыскиваемо и оберегаемо* вездѣ, гдѣ бы ни нашлось, — въ своемъ ли отечествѣ, или въ чужой землѣ. Частью путешествія, безпрестанное обращеніе съ людьми всѣхъ націй, всѣхъ сословій — отъ мѣщанскаго до аристократическаго, придали герцогу необыкновенный тонъ космополита, вызывающій на самую довѣрчивую, свободную бесѣду, не вредя впрочемъ нисколько достоинству и врожденной сановитости герцога. Отличное воспитаніе и образованіе дѣлаютъ разговоръ принца восхитительнымъ, превосходнымъ, безъ всякаго

ложнаго пафоса. Въ легкой бесѣдѣ у него проявляются иногда самая глубокая, всемірная идеи, которыя онъ быстро развиваетъ, когда противорѣчіе или сомнѣнія побуждаютъ къ этому. Увлекаемый пламеннымъ характеромъ къ общительности, герцогъ быстро переходитъ въ разговоръ попеременно къ самымъ разнороднымъ предметамъ: мѣткое замѣчаніе слѣдуетъ у него за остроумной цитатой, анекдотъ изъ собственной жизни смѣняется ученымъ наблюденіемъ, колкая полемика принимаетъ веселый, шуточный оборотъ. Всѣ эти преимущества разговора герцогъ сохранилъ на французскомъ и англійскомъ языкахъ.

Нѣмецкая организація влечетъ герцога къ искусствамъ, которымъ и посвящается большая часть часовъ его отдохновенія. Герцогъ Эрнстъ имѣетъ собственный талантъ къ живописи и въ юности упражнялся въ ней подъ руководствомъ бельгійскихъ художниковъ, но потомъ, принужденный къ тому обязанностями своего званія, герцогъ бросилъ живопись; но отличными, опытнымъ знатокомъ живописи онъ остался навсегда. Еще болѣе привлекала его музыка, въ которой онъ также имѣетъ самую основательную познанія. Онъ сочиняетъ съ такою же легкостью, съ какою диктуетъ свою корреспонденцію, и спокойствіе лѣтняго времени преимущественно посвящено художническимъ твореніямъ, которые водворили имя его и въ тѣхъ кругахъ, гдѣ владѣтельные особы обыкновенно упоминаются какъ наслаждающіяся, а не какъ доставляющія наслажденіе.

Вѣрнѣйшая сотрудница его въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ, герцогиня, супруга его, урожденная принцесса баденская, сестра принца Вильгельма баденскаго. Замѣчательная пианистка отличной школы, она олицетворяетъ своею игрою высокому сочинителю всѣ его идеи; рояль Штѣккера, передъ которымъ созданы всѣ сочиненія герцога, стоитъ подлѣ рабочаго столика герцогини въ ея комнатѣ, находящейся подлѣ самаго кабинета герцога. Вообще нельзя себѣ составить понятія о болѣе искренней, радушной жизни вдвоемъ, какъ жизнь этихъ высокихъ супруговъ. Герцогиня живетъ подъ влияніемъ счастья своего супруга и только смотря на нее и вслушиваясь въ ея рѣчи — можно понять поэтическій характеръ принцессы Леопоры въ Гегевомъ «Тассо». Великій поэтъ въ твореніи своемъ былъ ближе къ сущности, чѣмъ подозревали читатели его.

Гости герцога удостоиваются чести быть каждый день приглашенными къ завтраку и наслаждаются присутствіемъ высокыхъ супруговъ безъ свидѣтелей. Герцогъ встаетъ рано и посвящаетъ нѣсколько утреннихъ часовъ государственнымъ дѣламъ и огромной политической корреспонденціи. Смотря по тому, какъ велико было число занятій, часть завтрака назначается между 9 и 11 часами: завтракъ состоитъ изъ различныхъ блюдъ дичи, краснаго вина, пирожнаго и кофе. Тотчасъ послѣ завтрака герцогъ имѣетъ обыкновеніе выкурить сигару и вступаетъ въ самый живой, непринужденный разговоръ, показывающій, что еслибъ герцогъ и не былъ такого высокаго происхожденія, то собственными достоинствами пробился бы на высоту сквозь тернии жизни. Немногіе эти часы, иногда безжалостно сокращаемые необходимостью государственныхъ дѣлъ, эти часы — самая счастливейшіе для гостей владѣтельнаго хозяина. Во время обѣдовъ, ужиновъ и вечеровъ этикетъ вступаетъ въ права свои, холодность придворнаго воздуха дѣлается чувствительною для бѣднаго гражданина и мы видимъ въ принцѣ, который за нѣсколько часовъ раздѣлялъ свой завтракъ съ простымъ журналистомъ и теперь выходитъ въ парадный залъ со звѣздою на груди, уважаемаго совѣтника и повѣреннаго величайшихъ европейскихъ дворовъ, въ полномъ смыслѣ шестую великую державу.